

Общество

Неизвестный Дунаевский

Известия - 2000 - 28 янв. - с. 11.

Мираж в конце туннеля

Живое искусство любят прикнопить к политике. Наверное, «Лебединое озеро» теперь всегда будут ассоциировать с путчем. Будут рассуждать о коварстве телепропагандистов, которые заглушили гул переворота нежными мелодиями скрипок. И никто не захочет заглянуть в телепрограммы, где «Лебединое озеро» на эти часы было объявлено еще за неделю. Но если бы Чайковскому не повезло быть нашим современником, он, певец путей, отмываться бы уже не смог.

Маяковскому не могут простить «Партия и Ленин — близнецы-братья — кто более матери...». Да-

вайте заодно не простим Пушкину горькое признание: «Блажен в златом кругу вельмож/ Пиит, внимаемый царями...» — ведь пиит не только «милость к падшим призывал», но и «к славе спесь бояр охотит». Он украшает их пиры...».

Праздник — не время вторгаться в сложные взаимоотношения пиита и власти. Просто хочу напомнить о том, что в области культуры мы по-прежнему лихо взрываем храм за храмом и взамен строим даже не бассейны, а скучные лужи подозрительности и политиканства.

А у нас сейчас праздник. Большой юбилей одного из лучших композиторов века — Исаака Осиновича Дунаевского. Того, кто украшал своей музыкой не только вельможные пиры, но жизнь каждого в нашей стране. И, как любой мираж в конце туннеля, эта музыка помогла стране выжить, наполняя ее безвоздушное пространство воздухом пусть вполне безумной, но надежды.

О неизвестном Дунаевском рассказывает Дмитрий Минченко, автор книги о композиторе.

Валерий КИЧИН

Красный Моцарт

XX век для России прошел под знаком Дунаевского

Дмитрий МИНЧЕНКО

Считается, что он прожил счастливую жизнь. Однако он умер в 55 лет. Врачи были поражены — внутренние органы умершего были изношены, как у глубокого старца.

Он думал, у него много друзей, а когда умер — выяснилось, что столько же врагов. Непонятных и таинственных. Когда отпевали Моцарта, тоже ходили слухи о том, что он исписался. Это судьба многих гениев. В легкости его музыки скрыто столько сложностей, что их можно не заметить.

Черный человек

Параллель с Моцартом не случайна. Вплоть до историй с «черным человеком». В феврале 1937 года ему позвонил испуганный Григорий Александров и сообщил, что от разрыва сердца умер Орджоникидзе. Что это было самоубийство, догадывались единицы. Григорий Васильевич рассказал, что в Колонный зал невозможно пробиться. Лица Орджоникидзе не видно, никто не понимает почему.

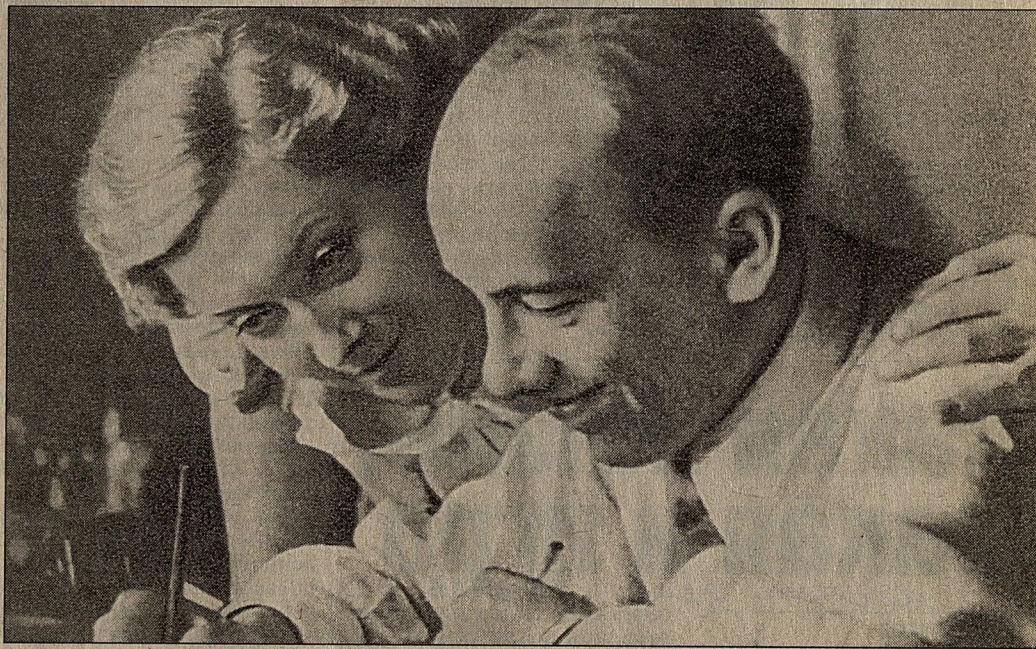
Для всех, и в том числе для Исаака Осиновича, это было потрясением. Именно тогда в его жизни появился «черный человек». Режиссер Дзига Вертов. Как таинственный незнакомец, он заказал Дунаевскому «Реквием» к своему фильму о наркоте. Дунаевский — автор трагической музыки? Это смешно и неожиданно — для врагов. Для друзей — уникальная возможность понять масштабы таланта. Был назван срок — пара месяцев. Вскоре на экраны вышел фильм «Серго Орджоникидзе» с «Реквиемом» Дунаевского.

И зрители и участники той похоронной записи надолго запомнили эту музыку. Дзига Вертов и все, что был на записи, сидели затаив дыхание. Ни на миг их глаза не отрывались от сцены, где дирижировал Дунаевский. Звуки будто цеплялись друг за друга, падали, взмывали к небесам и снова обрушивались на слушателей. Бог весть, каким образом услышал он в теме непонятного ему самоубийства важного большевика музыку, превращавшую возможность и музыкантов, и его самого.

Слухи

Слухи сопровождали его всегда и мучили не только его, но и его двоих сыновей. Когда он умер, по Москве пошли разговоры, что он застрелился. Это был еще один привет от прошлой «счастливой» жизни. Но при этом все продолжали считать, что он был счастлив.

Откуда пошли эти сплетни, сопровождавшие его всю жизнь? Может быть, от скрытности частной жизни при социализме. Чужая частная жизнь легко усвоима, как завтрак туриста. Понять мысли гения или его фантазии гораздо труднее, чем усвоить

Любовь Орлова и Исаак Дунаевский

то, чем он обедал. Конечно, интересно узнать, кто, когда и где запустил слух о самоубийстве. Медицинское заключение о причинах смерти гласило: коронарсклероз и гипертрофия сердца.

Что о нем неизвестно? Почти все.

У него был жуткий распорядок дня. Курить начал лет с одиннадцати и уже не смог бросить. Всю жизнь скрывал, что его отец был мелкий торговец — держал лавочку по продаже фруктовых вод в Лохвицке.

Дважды был женат. Первый брак длился около года. Второй, который фактически распался после десяти лет счастья, он не расторгал никогда. Возможно, из-за каких-то личных, имеющихся под собой религиозную почву соображений. Оставил двух сыновей — Евгения и Максима. Старший — великолепный художник, младший — замечательный композитор. Их всех преследовали слухи.

О чем никогда не говорили — так это о Дунаевском верующем. Он верил, но словно в бога, которому не придумал точного имени. Хотя Евгений Исаакович Дунаевский говорил мне, что в семье знали лишь общеупотребительные слова на идиш, профессор Наум Шафер рассказывал, что после смерти своего отца композитор совершенно точно читал над его могилкой кадеш.

Дело в том, что его оптимизм никогда не был производным от идеологии трудового энтузиазма. Никто никогда не допускал той простой мысли, что жизнелюбие в его творчестве было заложено самой хаотичной основой его детства. Его гениальные марши и вальсы вмещали в себя нечто большее, чем «энергия социализма». Черные кружочки нот в его партитурах визуальнo рифмуются с черной круглой головкой негртенка в фильме «Цирк». Флажки восьмых и шестнадцатых

тых нот — с зубчиками вилки, что вонзятся в бок живого поросенка в «Веселых ребятах».

Вождь и композитор

Ни один сказочный сюжет в СССР не обходился без встречи героя и Солнца. В те годы незатраченное светило обитало в Кремле. Встречи Дунаевского и Сталина носили косвенный характер. Первый раз они пересеклись до войны, когда «наверху» заинтересовались доходами Дунаевского и, выяснив, что он является одним из богатейших людей в Союзе, запретили отчислять ему гонорары за исполнение музыки к кинофильмам по радио. Тогда Исаак Осинович пригрозил, что вообще перестанет писать музыку. Дело полюбовно уладили.

Самая колоритная встреча была во время войны. Мне о ней подробно рассказывали Евгений Дунаевский и музыковед Юрий Бирюков, один из учеников Дунаевского. В 1942 году во время почти двухлетних скитаний поезда с Ансамблем песни и пляски железнодорожников Дунаевскому в руки попал журнал «Новый мир». Там были напечатаны стихи офицера Лисянского о Москве:

У комбайнов, станков и орудий/
В нескончаемой лютый борьба/
О тебе беспокоятся люди...

Ритмический размер стихотворения Дунаевскому понравился. Однако «комбайны, станки и орудия» в песню не ложилось. Тогда он попросил режиссера ансамбля Сергея Аграняна сочинить еще пару куплетов. И тот придумал строфы про девушку, которая ждет бойца в Москве:

День придет, мы разоем тучи,
Вновь родная земля расцветет,
Я приеду в мой город могучий,
Где любимая девушка ждет.

Весной 43-го ансамбль выступил в Москву. Был правительственный концерт. Исполнили новую песню Дунаевского. На кон-

церте присутствовал Сталин, ему понравилось. Он вызвал главного идеолога Щербакова: отличная песня, надо, чтобы все услышали. Щербаков приказал: срочно транслировать по радио. А там редактор — послушный, бдительный. Приглашает Дунаевского: «Сталин приказал песню растиражировать, а про Сталина в этой песне ничего нет. Непорядок». Я это дело решать не могу, говорит Дунаевский, ищите автора слов. Тогда редактор, недолго думая, сам девушку вычеркивает, а на ее место пишет Сталина:

Я приеду в город могучий,
Где любимый наш Сталин живет.

Передача вышла в эфир. Сталин ее послушал, позвонил главному идеологу: «Хорошая песня получилась. Интересная. Только объясните мне, когда у вас девушка Сталиным стала?»

Иногда Солнце тоже умеет шутить. И тогда герои выходят живыми из огня. Но не всегда. Вскоре Сталин еще раз вспомнил о Дунаевском. В 1943 году возникла срочная необходимость иметь новый гимн СССР. В ЦК кое-кто считал, что песня «Широка страна моя родная» — подхит. Сталин был бы согласен, если бы не несколько «но». Дунаевский был «инвалид пятого пункта». По мнению Сталина, автором гимна не мог быть еврей, да еще и беспартийный. И он забравал кандидатуру орденосносца Дунаевского. А из всех композиторов больше всех подошел генерал Александров.

Власть

Отношения Дунаевского и власти можно назвать метафизическими. Во власть Дунаевский верил. Не случайно он так много занимал постов. Посты были гарантией того, что он у власти в почете. Это была одна из слабостей композитора. Сталин был для него богом.

В 1949 году, когда страна исторически-восторженно отмеча-

ла юбилей Сталина, Дунаевский написал песни «Письмо матери» и «Окрыляющее слово» на стихи Рублева. Потом вспоминал: «Между делом я написал две песни к 70-летию Сталина. Они произвели переполох неожиданным решением темы. Успех был очень значителен. Но конечно, на пути этих песен выросли препоны в лице строгих дядь и тетей, которые в своих инструкциях такого решения темы не предусматривали. Дело в том, что многие в публике упирают глаза. Дело также в том, что в музыке нет ни одного громкого аккорда, ни одной высокой ноты. Как же в самом деле поступить чиновнику с песней, где старая мать пишет Сталину такое письмо:

И пусть вы не верите в Бога,
Но я каждый день, признаюсь, / В своей комнатке убогой / За вас здоровье молюсь.

Как быть с непредусмотренным богом? И где громкие аккорды в басах? И вот на радио снимают эти песни с праздничных передач и уже больше недели советуются в ЦК партии, как поступить. Чтобы прикончить эту возню, я, кажется, возьму и сам напишу Сталину».

Что делать? Верил он в свою силу и в то, что Сталин с ней будет считаться!

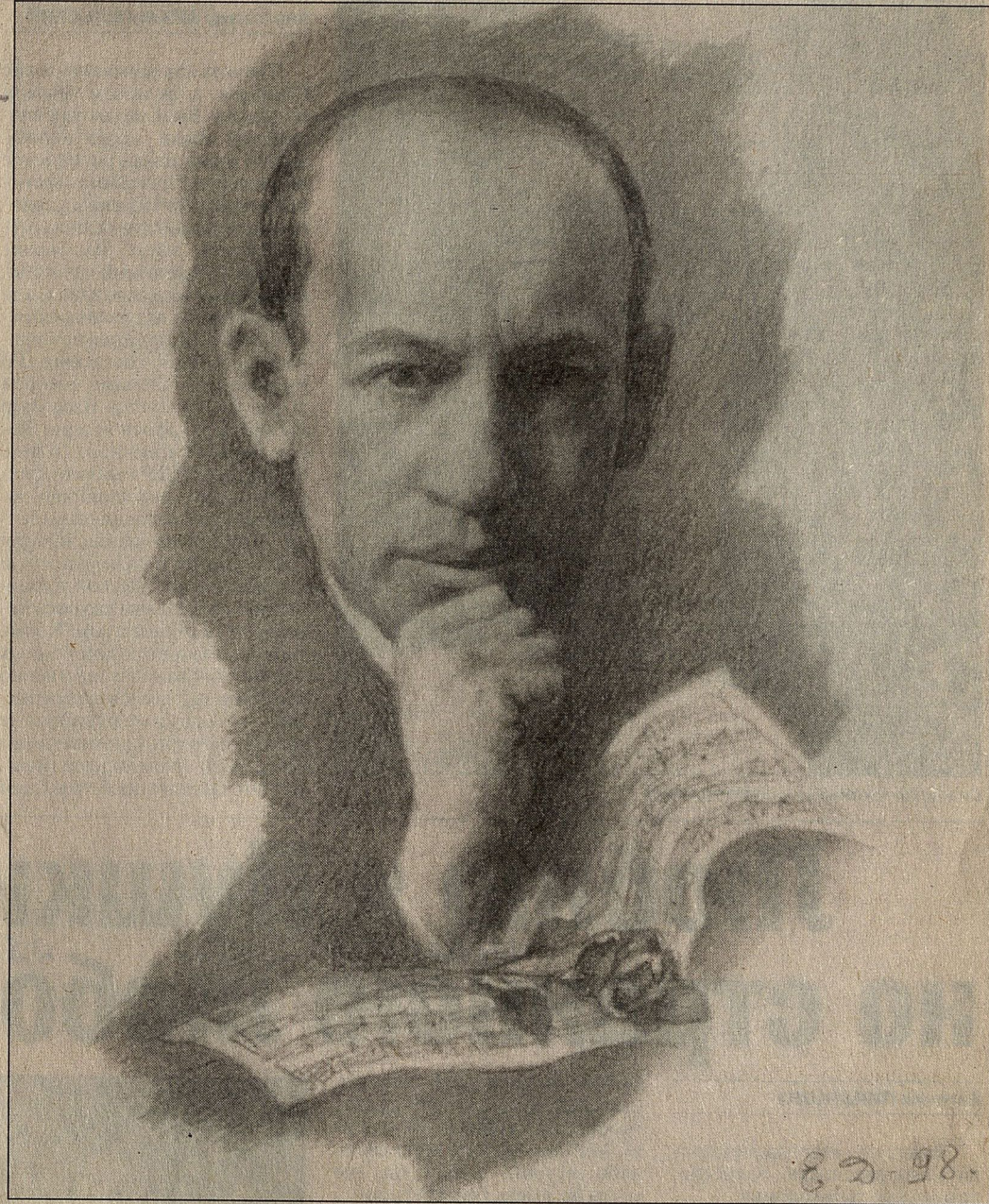
Небожители

Посещение его дачи было репетицией рая. Он начал строить ее в 1938 году. По вполне уважительным причинам, Дунаевские жили в Ленинграде. У его первой жены обнаружили туберкулез и срочно потребовали сменить климат. Тогда же его друзья убедили Дунаевского строить дачу под Москвой рядом с ними — Утесовым, Орловой и Александровым. Лебедевым-Кумачом.

Строительство дачи напоминало детектив. Он долго выбирал, какой дом построить и кому это дело поручить. Выбрал архитектором товарища Татеву — мужа певицы Тамары Церетели. Тот предложил проект грузинского дома с башенками. Дунаевский утвердил проект и уехал в Ленинград. Деньги отправлял Татеву переводом. К осени 39-го все сроки строительства вышли, Дунаевский приехал во Внуково принимать товар лицом и обнаружил только фундамент. Решил обратиться за разъяснениями к соседям. Бросился знакомиться и обнаружил, что из соседней подвалушки только сам инженер Татев. Точнее, его трехэтажный особняк, который вырос как гриб.

Сцена объяснения предпринимчивого строителя с великодушным композитором была неприятной. Евгений Дунаевский мне рассказывал, что Татев чуть не становился на колени, умоляя его простить. Исаак Осинович, человек широкой души, Татеву простил. Но потребовал срочно закончить строительство.

Дача получилась холодной, с маленькими окнами, рассчитанными на теплый кавказский

Таким нарисовал своего знаменитого отца художник Евгений Дунаевский

климат. Даже огромный камин не мог прогреть комнаты. В общем, практичностью композитор не отличался. Дом, как корабельный флагман, стоял на окраине дачного поселка. Местной принцессой считалась дочь Лебедева-Кумача Марина, принцем — Женя Дунаевский. Верховодил в детской компании сын Суркова Алеша, он был старше мелюзги года на четыре. Роль «народца» исполняли дети одного из сторожей внуковских дач.

Черная кошка

Для кинозрителей Дунаевский — это автор музыки к фильмам Александрова. Триумфатор Дунаевский — Александров — Орлова подарил миру четыре шедевра: «Веселые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», «Весна». Они живут и сегодня в основном потому, что там звучит музыка Дунаевского. Это цемент, который все скрепляет.

Когда Александров хотел создать комедию, он обращался к Дунаевскому. Когда драму — к Шостаковичу. Дунаевского это обижало.

Орлова, если была чем-то расстроена, специально шла гулять. Взгляды прохожих повисали ей на настроение. В те годы увидеть живую Орлову на улице было все равно что встретить богиню. Люди столбенили и почти в полный голос говорили друг другу: «Смотри, смотри, Орлова!» Она была Моной Лизой советской эпохи. Даже когда не улыбалась. И даже когда была раздражена. Чаше всего они отдыхали в «Национале». Там любил ужинать знаменитости. Например, друг Дунаевского Иван Пырьев со своей женой Мариной Ладьиной. Одна актриса несправедливо написала в своей книге о Ладьиной — та, мол,

тянула через мундштук папиросу и, полуприкрыв глаза, говорила: «Иван, не сиди как дурак. Скажи официанту, чтобы потопил!»

Трудно в это поверить. Марина Ладьянина не была грубой. На нее часто клеветали товарки по цеху из-за профессиональной зависти. В отличие от Орловой, она сохранила уважение к Дунаевскому до сегодняшнего дня. Ее мнение, которое она передала известному музыковеду Науму Шаферу, категорично: «Выше Дунаевского в кино никого не было и быть не может». А если говорить о памяти, то как раз не Дунаевского в кино никого не было и быть не может». А если говорить о памяти, то как раз не Дунаевского в кино никого не было и быть не может». А если говорить о памяти, то как раз не Дунаевского в кино никого не было и быть не может».

Дунаевский еще сам толком не понимал, что против него началась кампания. А признаками этой кампании были некие странности, факты, которые сами по себе вызвали у него удивление. Он был вправду считать себя соратником Григория Александрова. Как гром с ясною неба прозвучало для него сообщение, что Александров в свой новый фильм музыку пригласил писать Шостаковича. Полный новый щелчок по носу. Фильм «Весна» участвовал в конкурсе Венецианского фести-

валя, как некогда «Веселые ребята», и группа создателей фильма должна была съехать на фестиваль. И вдруг второе убийственное сообщение: Дунаевского не берут. Он якобы прощтрафился — был чрезмерно откровенен с журналистами в Праге.

Александров был официально главой делегации и коммунистом. Достаточно было бы его слова — главный из авторов картины был бы в порядке. Но он не захотел этого делать. Вероятно, подозревал, что было главной причиной успеха его фильмов — приз за лучшую музыку достался Дунаевскому. Так между ним и Александровым пробежала черная кошка. Они расстались. Без официальных объяснений. С тех пор Дунаевский работал с Иваном Пырьевым. И появились «Кубанские казаки».

С точки зрения властей Дунаевский никогда не был надежен. Потому что его музыка не была партийной, она была просто гениальной, а в силу этого очень точно отражала «красный» окрас времени.

А уж если быть точным, то и «красный окрас» — обвинение надуманное. Глупо привязывать Дунаевского к идеологии. У него оказался счастливый дар: его музыкальная гармония совпала с легендой социализма. Он умел хорошо и ласково жить. Ему не надо было солнца на небе, чтобы радоваться дню, солнцу жить у него в сердце — даже ночью. И нам всем очень повезло, что эта его личная, человеческая, трансцендентная радость оказалась начальником «красной» — вероятно, в силу сходства стилистики, и впрямь родившей «Красного Моцарта» с красной эпохой.